

ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ: ПАТТЕРНЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

LITERARY BIOGRAPHY: PATTERNS OF CONSTRUCTION

УДК: 821.161.1

DOI: 10.31249/chel/2024.03.04

Ранчин А.М.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ БИОГРАФИИ НА ОСНОВЕ ВОСПОМИНАНИЯ: СЛУЧАЙ Е.П. РОСТОПЧИНОЙ

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Россия, Москва, aranchin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются четыре редакции стихотворения Е.П. Ростопчиной «Две встречи» (первая редакция – 1838), содержащего воспоминания о двух встречах с А.С. Пушкиным, относящихся к юности поэтессы. Показано, как от редакции к редакции усиливается мифологизированный мотив благословения старшим, великим поэтом младшего, как формируется интерпретация знакомства на балу в качестве провиденциального события. Подробно прослеживается трансформация реального события в мифологему творческой преемственности. Эта трансформация рассматривается в контексте сформировавшегося у поэтессы в 1850-х годах представления о себе как о хранительнице культурных ценностей Пушкинской эпохи.

Ключевые слова: Е.П. Ростопчина; А.С. Пушкин; память; преемственность; мифология; литературная биография.

Поступила: 13.04.2024

Принята к печати: 25.06.2024

Ranchin A.M.

**Construction of literary biography based on memory:
the case of E.P. Rostopchina**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of Russian academy of sciences,
Russia, Moscow, aranchin@mail.ru*

Abstract. The article examines four editions of the poem by E.P. Rostopchina “Two Meetings” (first edition – 1838), containing memories of two meetings of the young author with A.S. Pushkin. It is shown that from edition to edition the mythologized motif of the blessing of the younger by the elder, the great poet, is strengthened, and how the interpretation of meeting at the ball as a providential event is formed. The transformation of a real event into a mythology of creative continuity is scrutinized. This transformation is considered in the context of the poetess’s idea of herself as the custodian of the cultural values of the Pushkin era, which was formed in the 1850s.

Keywords: E.P. Rostopchina; A.S. Pushkin; memory; continuity; mythology; literary biography.

Received: 13.04.2024

Accepted: 25.06.2024

Евдокия Петровна Ростопчина, урожденная Сушкова (1811–1858), была далеко не первым русским поэтом и прозаиком – женщиной. Тем не менее признание высокого литературного статуса, близкого к положению литератора-мужчины, требовало с ее стороны определенных усилий: статус поэтессы в первые десятилетия XIX в. отнюдь не равен положению поэта [Rosslyn, 1996]. Для Ростопчиной одним из способов легитимации собственного статуса женщины-стихотворца (в терминах П. Бурдьё, утверждения в социальном поле литературы [Бурдьё, 2005, с. 365–472]) стало конструирование мифологемы преемницы великого поэта, благословленной им на литературное поприще. Миф создается на основе воспоминаний о событии, относящемся к ее девичеству.

В 1838 г. поэтесса пишет стихотворение «Две встречи» – воспоминание о двух своих первых встречах с Пушкиным. Впервые юная Сушкова увидела знаменитого поэта во время московского пасхального гулянья на Святой неделе в 1827 г. (но тогда Додо с ним не познакомилась и не беседовала). Вторая встреча относится к декабрю следующего, 1828 г. [Шнейдерман, 1972, с. 476; Черейский, 1989, с. 378]. О ней в подробностях известно из мемуарного свидетельства брата поэтессы Сергея Сушкова: «В сти-

хотворении “Две встречи” <...> она описала первое свое знакомство с Пушкиным на бале у московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, в первую зиму ее выезда в свет, когда ей было 18 лет; Пушкин так заинтересовался пылкими и восторженными излияниями юной собеседницы, что провел с нею большую часть вечера и после того тотчас познакомился с семейством Пашковых (деда и бабки Ростопчиной по материнской линии. – А.Р.)» [Сушков, 1890, с. VIII–IX]. Это позднее свидетельство, по-видимому, во многом модифицировано текстом стихотворения сестры мемуариста. Есть основания подозревать, что внимание Пушкина к партнерше на балу носило светски-комплиментарный характер и не заключало в себе серьезного интереса к ее поэзии: слова поэта, к ней обращенные, «представляются, если это не поэтическое преувеличение, скорее светским комплиментом» и «по этим восторженным, не без кокетства, стихам трудно судить о действительных словах Пушкина, да и многое ли мог сказать поэт обаятельной и красноречивой партнерше во время танца?» [Романов, 2017, с. 42]. Для Пушкина это знакомство было, вероятно, одним из множества событий его повседневной светской жизни, встречей с очаровательной девушкой, но отнюдь не с поэтессой, чьи стихи заслуживали серьезного внимания. Как вспоминала сама Ростопчина, она «[н]ачала писать стихи 7-ми лет, *по-французски*, либо, 14-ти, *по-русски*. Все это уничтожено тогда же» [Ранчин, 1995, с. 180, выделено в оригинале]. Поэзия девицы Сушковой имела определенный успех в свете. Современник, флигель-адъютант генерал-майор Н.Д. Дурново, оставил в своем дневнике запись под 26 ноября 1825 г. о чтении в доме графини Лаваль: «Маленькая м-ль Сушкова читала пьесу в стихах собственного сочинения. Я не жалею, что должен был слушать ее» (цит. по [Теребенина, 1978, с. 275, примеч. 60]). Однако сама поэтесса, издавая первый сборник своих стихотворений, провела весьма строгий отбор, не включив в его состав ни одно произведение, написанное ранее 1829 г. Есть достаточно оснований полагать, что Пушкин в 1828 г. не только не оценил поэтические произведения юной девицы Сушковой, но и просто не был с ними знаком: ни одно из ее стихотворений тогда не было напечатано. Невозможно также представить себе, что партнерша поэта на балу читала ему свои стихи во время танца. Признание Пушкиным в юной Сушковой родственной поэтической натуры, о чем пишет автор «Двух

встреч», очевидно, нужно понимать как проявление его гениальной интуиции. В стихотворении сообщается, что весть о поэтических занятиях Сушковой ему принесла светская молва: «Ему рассказала молва городская, / Что, душу небесною пищей питая, / Поэзии чары постигла и я, / И он с любопытством смотрел на меня» [Ростопчина, 1839, с. 164; ср. в других редакциях, где имеются некоторые пунктуационные изменения: Ростопчина, 1841, с. 143; Ростопчина, 1856–1859, I, с. 257; Ростопчина, 1857–1860, I, с. 238]. Однако если это и так, на основании слухов составить представление о преданности поэзии юной партнерши в танце и о ее даре Пушкин не мог.

Известный пушкинист М.П. Алексеев справедливо предположил, что «по-видимому, знакомство Пушкина с Е.П. Ростопчиной мало чем отличалось от множества других светских знакомств поэта и никогда не походило на душевную близость». Однако его утверждение «Все то, что об этом писала сама Ростопчина было ее иллюзией или самообольщением» [Алексеев, 1984, с. 427], едва ли верно¹. Скорее можно говорить о сознательной трансформации ни к чему не обязывающих светских любезностей, произнесенных Пушкиным, в признание духовного родства.

«Две встречи» Ростопчина отдала в журнал «Современник». Выбор был глубоко не случаен: «Современник» был основан именно Пушкиным, который и стал его первым издателем и редактором. После его смерти журнал перешел к пушкинскому другу П.А. Плетневу – адресату посвящения к «Евгению Онегину». Посылая ему стихотворение 21 декабря ст. стиля 1838 г., поэтесса объясняла свой выбор: «“Две встречи” – истинный рассказ моих двух первых свиданий с Пушкиным, и я обработала эту мысль именно для вас и “Современника”, зная, как вам приятно собрать в этом издании все относящееся к памяти незабвенного» (цит. по [Шнейдерман, 1972, с. 476]). Стихотворение было опубликовано в томе XIV «Современника» за 1839 г. (с. 162–165), спустя три года автор перепечатывает его в новой редакции в своем первом сборнике [Ростопчина, 1841, с. 141–144], а затем еще дважды перерабатывает для четырехтомных «Стихотворений» [Ростопчина, 1856–1859, I, с. 253–258; Ростопчина, 1857–1860, I, с. 235–240]. Различия

¹ От прежде высказанного осторожного согласия с трактовкой М.П. Алексеева [Ранчин, 2019, с. 126] я склонен сейчас отказаться.

редакций весьма существенны, причем заключаются они именно в изменении самого характера воспоминаний. Во второй редакции после стиха «Его высокого чела» появились строки: «Я отгадала, поняла / На нем и гения сиянье / И знак высокого посланья; / Им мысль моя была полна» [Ростопчина, 1841, с. 142–143]. Так выражена способность лирической героини понять великого поэта. Это понимание, возможность интуитивного постижения мыслей и чувств Пушкина, интроспекция предполагают внутреннее родство поэтессы с ним.

Кроме того, в сборнике 1841 г. текст снабжен посвящением «Петру Александровичу Плетневу» [Ростопчина, 1841, с. 141], устанавливающим соотнесенность автора с новым издателем «Современника».

В редакции, опубликованной в 1856 г., в описании первой встречи появляется строка «В своей особе небольшой» [Ростопчина, 1856–1859, I, с. 255], указывающая на невысокий рост Пушкина и придающая сцене первой встречи визуальную достоверность.

Но радикальному изменению текст «Двух встреч» подвергся в последней, четвертой редакции, изданной год спустя. Стих «В душе гениальной есть что-то святое» [Ростопчина, 1839, с. 163] (в редакциях, опубликованных в 1841 и 1856 г.: «генияльной» [Ростопчина, 1841, с. 143; Ростопчина, 1856–1859, I, с. 257]) был изменен так: «В душе генияльной есть братство святое» [Ростопчина, 1857–1860, I, с. 239]. Таким образом, в первых трех редакциях автор еще не претендует на духовное братство с Пушкиным, но в поздней уже декларирует такую общность.

Во втором издании четырехтомника «Стихотворений» после стиха «Со мной молодея, он снова мечтал» были добавлены строки, содержащие своеобразное признание собеседника лирической героини в любви – сожаление, что он встретил ее слишком поздно. Приведем этот фрагмент:

Жалел он, что прежде, в разгульные годы
Его одинокой и буйной свободы,
Судьба не свела нас, что раньше меня
Он отжил, что поздно родилась я...
Жалел он, что песни девической страсти
Другому поются, что тайные власти
Велели любить мне, любить не *его*, –
Другого!.. И много сказал он всего!..

[Ростопчина, 1857–1860, I, с. 239–240,
курсив в оригинале]

Невозможно установить, является ли это изложение пушкинского монолога пересказом его подлинных слов, обращенных к партнерше на балу, или же это плод домысла поэтессы. Если Пушкин и говорил нечто подобное, то, очевидно, это, скорее всего, был лишь светский комплимент. Также неясно, почему, если такая речь и прозвучала, автор «Двух встреч» не решился изложить ее уже в первой редакции стихотворения. Допустимо объяснять этот факт скромностью, которая удержала перо писательницы. Однако более вероятно, что слова собеседника выдуманы ею: они в полной мере вписываются в общую эволюцию текста стихотворения, в котором от редакции к редакции усиливаются мотивы внутреннего родства прославленного стихотворца и начинающей поэтессы. Мотивы схождения творческого дара обоих и признания великим Пушкиным таланта собеседницы коррелируют с его любовным полупризнанием: юная Сушкова соотносится с гениальным поэтом и как автор стихов, и как его несостоявшаяся подруга жизни. Показательно, что мотив творческого родства Пушкина и лирической героини появляется в истории текста стихотворения одновременно с этим полупризнанием. Ростопчина несколько стилизует свой литературный образ под Татьяну Ларину, при этом пересказ пушкинской речи отчасти напоминает признание героини «Евгения Онегина», а отчасти – признание Онегина Татьяне.

Последовательность создания редакций, очевидно, совпадает с хронологией их издания. Ростопчина сначала написала текст, датированный 1838 г. и напечатанный год спустя, затем внесла в него изменения при подготовке издания 1841 г.; вновь отредактировала его перед изданием в 1856 г., а затем внесла радикальную правку («братство святое») в строку о гениальной душе, дополнила текст изложением пушкинской речи и опубликовала в этой версии год спустя.

Ростопчина была склонна датировать свои лирические тексты. Но, к сожалению, автографы «Двух встреч» неизвестны. В публикации 1839 г. стихотворение датировано 1838 г. [Ростопчина, 1839, с. 165], эта же дата, но с указанием месяца («Декабрь»), содержится в изданиях 1841 и 1856 г. [Ростопчина, 1841, с. 144; Ростопчина, 1856–1859, I, с. 258]. В издании же 1857 г. появляется новая дата: «Декабрь, 1839 г.» [Ростопчина, 1857–1860, I, с. 240]. Однако эта датировка, принимаемая публикаторами стихотворения Ростопчиной, является, очевидно, типографской опечаткой: «Две встречи» в

этом издании окружают те же стихотворения, датируемые декабрем 1838 г., что и в издании 1856 г. Эта редакция, видимо, относится ко второй половине 1855 – первой половине 1856 г.: дата цензурного разрешения издания 1856 г. – 30 июля 1855 г., дата цензурного разрешения издания 1857 г. – 10 июля 1856 г.

Таким образом, начиная с редакции издания 1841 г. в стихотворении происходит преодоление дистанции между автором и героем. Появляется и все более сильно звучит мотив не просто душевного и духовного родства автора и персонажа как поэтов, но их особенного, глубокого союза (прозорливость автобиографической героини, читающей в близкой ей душе Пушкина). Позднее к нему добавляются и почти фамильярная портретная характеристика, а потом и любовный мотив.

Акцентирование мотива преемственности по отношению к Пушкину и, шире, к поэтам его эпохи характерно не только для двух последних редакций стихотворения «Две встречи», но и для «Памяти Пушкина» (1852) – посвящения к драматическим сценам в стихах «Дочь Дон-Жуана»:

Великий! – Тень твоя не оскорбится
Ничтожностью смиренной дани сей...
Прими ее!.. Пусть труд мой осенится
Загробною защитой твоей!
Пусть именем, для русских незабвенным,
Утраты скорбь я пробужу в сердцах;
Пусть вспомнит свет о нашем несравненном,
Ток новых слез почтит любимый прах!

* * *

Не стало вас, вождей ко храму славы,
До время смерть расстроила наш хор.
Затихла песнь... и отзвук величавый
Замолк у нас... Друзей прощальный взор
Напутствовал торжественно в могилу
Последнего поэта...¹ Разошлась
Блестящая плеяда по светилу...
И там в стране бессмертия зажглась!..
<...>

¹ Речь идет об умершем в год написания стихотворения В.А. Жуковском.

* * *

Он, наш кумир... он, слава русской славы,
Благословлял на дальний путь меня...
Песнь женская была ему забавой,
Как новизна... О! не забуду я,
Что *Пушкина* улыбкой вдохновенной
Был награжден мой простодушный стих,
И ныне я, пред тению священной,
Кладу на суд труд зрелых лет моих!..

[Ростопчина, 1856, с. 1–2 второй пагинации,
курсив в оригинале]

В этом стихотворении, так же как и в «Двух встречах», содержится мотив благословения великим стихотворцем младшей и по творческому дару, и по возрасту поэтессы, но на этот раз артикулирована идея преемственности ее поэзии по отношению к пушкинской, а само посвящение и следующий за ним текст драматических сцен являются даром и данью памяти Пушкина. Еще более отчетливо эта идея выражена в более позднем стихотворении «Моим критикам» (1856), где автор предстает хранителем высоких культурных традиций и истинных ценностей, противостоящих наступившему прозаическому и пошлому времени:

Я разошлася с новым поколеньем,
Прочь от него идет стезя моя.
Понятьями, душой и убежденьем
Принадлежу другому миру я.
Иных богов я чту и призываю
И говорю иным я языком:
Я им чужда, смешна, — я это знаю,
Но не смущаюсь перед их судом

<...>

Сонм братьев и друзей моих далеко —
Он опочил, окончил жизнь свою.
Немудрено, что жрицей одинокой
У алтаря пустого я стою!

[Ростопчина, 1856–1859, IV, с. 310]

В этом поэтическом тексте варьируется мотив поэта — жреца Аполлона, содержащийся в таких пушкинских произведениях, как «Поэт», «Поэту» и «Поэт и толпа». Метафорический алтарь, несомненно, отсылает к сонету «Поэту», где сказано о «толпе»: «И плюет

на алтарь, где твой огонь горит, / И в детской резвости колеблет твой треножник» [Пушкин, 1977–1979, III, с. 165]. Внесение в текст последней редакции «Двух встреч» выражения «братство святое», с помощью которого Ростопчина прямо соотносит себя с автором этих стихов, имеет целью указать на ее духовное родство с Пушкиным, включить себя как младшую звезду в пушкинскую плеяду. В контексте такого лирического произведения, как «Моим критикам», «Две встречи» прочитываются уже не как попытка утверждения поэтессой своего права на благосклонное внимание ценителей, но как обоснование представления о себе как о наследнице Пушкина.

Трансформация мотива благословения старшим поэтом, основанного на мифологизированной трактовке личных воспоминаний, в мотив хранения культурных и эстетических ценностей, связанных с творчеством Пушкина, объяснялась сознательным противостоянием поэтессы новой эстетике, утверждаемой прежде всего журналом Н.А. Некрасова и И.И. Панаева «Современник» [Ранчин, 1995; Ранчин, 2018, с. 56–70]. Литераторов этого направления в одном из писем М.П. Погодину 1852 г. она аттестовала как «реалистов» и «грязистов» [Барсуков, 1888–1910, XI, с. 95]. Личное знакомство с литераторами ушедшей эпохи, которую поэтесса считала утраченным золотым веком, в 1850-х годах приобрело в ее воспоминаниях гипертрофированный характер. В одном из писем М.П. Погодину 1857 г. она утверждала: «Я вспомнила, что жила в короткости Пушкина, Крылова, Жуковского <...> Баратынского, Карамзина, что эти чистые славы наши любили, хвалили, благословляли меня на путь по следам их... Вот почему презираю я душевно всю теперешнюю литературную сволочь, исключая только некоторых» [Барсуков, 1888–1910, XIV, с. 383–384]. Свою «короткость», по крайней мере с Карамзиным, она явно преувеличивала: автор «Бедной Лизы» и «Истории государства Российского» последние годы жил не в Москве, где обитала она, а в Петербурге; первопрестольную он навсегда покинул в мае 1816 г., когда маленькой Сушковой не было и четырех с половиной лет [Лотман, 1992, с. 476].

Таким образом, в творчестве Ростопчиной факт знакомства с Пушкиным, сохраненный в ее личных воспоминаниях, был истолкован прежде всего в соответствии с мифологемой благословения младшего поэта старшим. Первоначально такая интерпретация служила способом занять значимое место в социальном поле лите-

ратуры, позднее – обосновать свою роль наследницы истинных поэтов в противостоянии новой, неприемлемой для нее эстетике. Интересно, что Ростопчина в своем творчестве никак не отразила достаточно близкое и частое общение с Пушкиным в Петербурге в 1830-х годах, не отметила, что автор «Цыган» и «Евгения Онегина» в это время действительно достаточно высоко ценил ее творчество [Черейский, 1989, с. 378–379]. М.П. Алексеев заметил о первых встречах поэтессы с Пушкиным в 1827–1828 гг.: «Эти встречи были мимолетны, а сама поэтесса была еще очень молода. Более примечательными должны были быть встречи, состоявшиеся в конце 1836 г.» [Алексеев, 1984, с. 436]¹. В 1837 г., в журнале «Современник» были напечатаны стихотворения Ростопчиной «Эльбрус и я» (том V, с. 140–142) и «Мечь» (ранняя редакция, том VII, с. 46–50). Оба текста находились в редакционном портфеле Пушкина, первый из двух томов он составлял в декабре 1836 г. [Рыскин, 1967, с. 14, 19; Алексеев, 1984, с. 426–427]. Можно ли считать решение Пушкина напечатать произведения Ростопчиной в «Современнике» свидетельством высокой оценки ее поэзии, не очень ясно: «...в период стихового безвременья “Современник” помещал стихи без всякого разбора» [Тынянов, 1968, с. 179].

Однако для мифа о благословении, полученном от старшего, признанного поэта, было желательно, чтобы благословляющий гений усмотрел и одобрил талант младшего стихотворца, когда тот еще не достиг зрелости, тем самым направив на путь, предначертанный судьбой. Разговор на балу в декабре 1828 г. идеально подходил для такой мифологизации.

Список литературы

- Алексеев М.П.* К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд» // Алексеев М.П. Пушкин: сравнительно-исторические исследования / отв. ред. Г.В. Степанов, В.Н. Баскаков. – Ленинград : Наука, 1984. – С. 421–443.
- Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина : [в 22 т.]. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1888–1910.

¹ Исправляю свою ошибку, допущенную в статье, в которой были ранее высказаны некоторые из наблюдений, здесь представленных. В этой работе общалось: «В 1836 г. в “Современнике” Пушкин напечатал стихотворения Ростопчиной “Эльбрус и я” и “Мечь”» [Ранчин, 2019, с. 126]. Там же были допущены ошибки при указании некоторых различий между редакциями.

- Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 576 с.
- Лотман Ю.М. Карамзин Николай Михайлович // Русские писатели, 1800–1917 : биографический словарь. – Москва : Большая Российская энциклопедия : Фанит, 1992. – Т. 2: Г–К. – С. 470–477.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. – 4-е изд. – Ленинград : Наука, 1977–1979.
- Ранчин А.М. «...У алтаря пустого я стою!»: Е.П. Ростопчина в 1850-х гг. // Лица : биографический альманах. – Москва ; Санкт-Петербург : Феникс : Atheneum, 1995. – [Вып. 6] / ред.-сост. А.И. Рейтблат. – С. 172–186.
- Ранчин А.М. Евдокия Петровна Ростопчина: очерк жизни и творчества // Ростопчина Е.П. Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Дмитрий Сечин, 2018. – Т. 1. – С. 3–72.
- Ранчин А.М. «Две встречи» Евдокии Ростопчиной: четыре редакции стихотворения и механизм создания литературного мифа // Поэзия филологии. Филология поэзии. – Тверь : Издатель А.Н. Кондратьев, 2019. – Вып. 2: сб. конф., посвященной А.А. Илюшину / ред.-сост. В.Б. Катаев, Е. А. Пастернак ; под общ. ред. О.А. Кузнецовой, Е. А. Пастернак. – С. 123–128.
- Романов Б.Н. Поэтесса, или Судьба Ростопчиной: повествование в семи частях. – Москва : Русский мир, 2017. – 797 с.
- <Ростопчина Е.П.> Г – ня Р – на. Две встречи // Современник. – 1839. – Т. 14, Отд. 6. – С. 162–165.
- Ростопчина Е. Дочь Дон-Жуана. Драматические сцены в стихах // Пантеон. – 1856. – Т. 25, Кн. 1. – С. 1–110 (второй пагинации).
- <Ростопчина Е.П.> Стихотворения графини Е. Ростопчиной. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Издание привилегированной типографии Фишера, 1841. – 194 с.
- <Ростопчина Е.П.> Стихотворенья графини Ростопчиной : [в 4 т.]. – Санкт-Петербург : Издание придворн. книгопрод. А. Смирдина (сына), 1856–1859.
- <Ростопчина Е.П.> Стихотворения графини Ростопчиной : [в 4 т.]. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Издание придворн. книгопрод. А. Смирдина (сына), 1857–1860.
- Рыскин Е.И. Журнал А.С. Пушкина «Современник», 1836–1837 : указатель содержания. – Москва : Книга, 1967. – 96 с.
- Сушков С. Биографический очерк // <Ростопчина Е.П.> Сочинения графини Е.П. Ростопчиной. – Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1890. – Т. 1: Стихи. – С. III–LVIII.
- Теребенина Р.Е. Записи о Пушкине, Гоголе, Лермонтове и других писателях в дневнике П.Д. Дурново // Пушкин : исследования и материалы. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд.-ние, 1978. – Т. 8 / отв. ред. Н.В. Измайлов. – С. 248–275.
- Тынянов Ю.Н. Пушкин и Тютчев // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники / отв. ред. В.В. Виноградов; сост. сб. и подгот. текста В.А. Каверина, З.А. Никитиной; коммент. А.Л. Гришунина, А.П. Чудакова. – Москва, 1968. – С. 166–191.
- Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / отв. ред. В.Э. Вацуро. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд.-ние, 1989. – 544 с.

Шнейдерман Э.М. Примечания // Поэты 1840–1850 годов / вступ. ст. Б.Я. Бухштаба ; сост., подгот. текста, биографические справки и примеч. Э.М. Шнейдермана. – Ленинград : Советский писатель, 1972. – С. 469–530.

Rosslyn W. Conflicts over gender and status in early nineteenth-century Russian literature: the case of Anna Bunina and her poem *Padenie Faetona* // Gender and Russian Literature / ed. by R. Marsh. – Cambridge univ. press, Cambridge, 1996. – P. 55–74.

References

Alekseev, M.P. (1984). K tekstu stikhotvoreniya “Vo glubine sibirskikh rud”. In M.P. Alekseev, *Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* (G.V. Stepanov, V.N. Baskakov, eds.) (pp. 421–443). Leningrad: Nauka.

Barsukov, N. (1888–1910). *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina*: [v 22 t.]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.

Burd'e, P. (2005). *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* (N.A. Shmatko, ed.). Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii, Saint Petersburg: Aleteya.

Lotman, Yu.M. (1992). Karamzin Nikolay Mikhaylovich. In: *Russkie pisateli: 1800–1917: biograficheskiy slovar'*. T. 2: G–K. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Fianit, (pp. 470–477).

Pushkin, A.S. (1977–1979). *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* (4 ed., B.V. Tomashevskiy, ed.). Leningrad: Nauka.

Ranchin, A.M. (1995). “...U altarya pustogo ya stoyu!”: E.P. Rostopchina v 1850-kh gg. In A.I. Reytblat (Ed.), *Litsa: biograficheskiy al'manakh* (iss. 6, pp. 172–186). Moscow; Saint Petersburg: Feniks; Atheneum.

Ranchin, A.M. (2018). Evdokiya Petrovna Rostopchina: ocherk zhizni i tvorchestva. In E.P. Rostopchina. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* (vol. 1, pp. 3–72) Moscow: Dmitriy Sechin.

Ranchin, A.M. (2019). “Dve vstrechi” Evdokii Rostopchinoy: chetyre redaksii stikhotvoreniya i mekhanizm sozdaniya literaturnogo mifa. In V.B. Kataev, E.A. Pasternak & O.A. Kuznetsovoy, *Poeziya filologii. Filologiya poezii. Vyp. 2. Sbornik konferentsii, posvyashchennoy A.A. Ilyushinu* (pp. 123–128). Tver': Izdatel' A.N. Kondrat'ev.

Romanov, B.N. (2017). *Poetessa, ili Sud'ba Evdokii Rostopchinoy: povestvovanie v semi chastyakh*. Moscow: Russkiy mir.

<Rostopchina, E.P.> (1839). G – nya R – na. Dve vstrechi. *Sovremennik*, 14, 162–163.

<Rostopchina, E.P.>. (1841). *Stikhotvoreniya grafini E. Rostopchinoy* (part 1). Saint Petersburg: Izdanie privilegirovannoy tipografii Fishera.

Rostopchina, E. (1856). Doch' Don-Zhuana. Dramaticheskie stsny v stikhakh. *Panteon*, 25(1), 1–110 (second pagination).

<Rostopchina, E.P.>. (1856–1859). *Stikhotvoren'ya grafini Rostopchinoy*: [v 4 t.]. Saint Petersburg: Izdanie pridvorn. knigoprod. A. Smirdina (syna), 1856–1859.

<Rostopchina, E.P.>. (1857–1860). *Stikhotvoreniya grafini Rostopchinoy*: [v 4 t.] (2 ed.). Saint Petersburg: Izdanie pridvorn. knigoprod. A. Smirdina (syna).

Ryskin, E.I. (1967). *Zhurnal A.S. Pushkina “Sovremennik”: 1836–1837: ukazatel' soderzhaniya*. Moscow: Kniga.

- Sushkov, S. (1890). Biograficheskiy ocherk. In [E.P. Rostopchina] *Sochineniya grafini E.P. Rostopchinoy*. T. 1: Stikhi (pp. III–LVIII). Saint Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova.
- Terebenina, R.E. (1978). Zapisi o Pushkine, Gogole, Lermontove i drugikh pisatelyakh v dnevnike P.D. Dumovo. In N.V. Izmaylov (Ed.), *Pushkin: issledovaniya i materialy*, vol. 8 (pp. 248–275). Leningrad: Nauka.
- Tynyanov, Yu.N. (1968). Pushkin i Tyutchev. In Yu.N. Tynyanov, *Pushkin i ego sovremenniki* (pp. 166–191). Moscow: Nauka.
- Chereyskiy, L.A. (1989). *Pushkin i ego okruzhenie* (E. Vatsuro, ed., 2nd ed.) Leningrad: Nauka.
- Shneyderman, E.M. (1972). Primechaniya. In E.M. Shneyderman & B.Ya. Bukhshtab (Eds.), *Poety 1840–1850 godov* (pp. 469–530). Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
- Rosslyn, W. (1996). Conflicts over Gender and Status in Early Nineteenth-century Russian Literature. The Case of Anna Bunina and Her Poem *Padenie Faetona*. In Marsh, R. (ed.), *Gender and Russian Literature*. Cambridge University Press, Cambridge, (pp. 55–74).

Об авторе

Ранчин Андрей Михайлович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета, Москва, Россия, e-mail: aranchin@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

About the author

Ranchin Andrei Mikhailovich – DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University, assistant professor, professor of department of Russian literature of the Philological faculty, Moscow, Russia, e-mail: aranchin@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>